

СЕРГЕЙ ПОПОВ [SERGEJ PODOV]

ОБ ОБЪЯСНЯЮЩЕЙ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ РАЗНООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ МИРА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПТИВНОЙ МОДЕЛИ: ДЕТАЛИЗАЦИЯ

COBISS: 1.02

[HTTPS://DOI.ORG/10.3986/JZ.25.2.10](https://doi.org/10.3986/jz.25.2.10)

Podrobno k univerzalnemu dojemalnemu modelu, ki razlaga medjezikovno razhajanje in enoti raznolikost jezikov sveta

Članek je posvečen razlagi delovanja univerzalnega dojemalnega modela, ki enoti različne jezike in razkriva vzroke za medjezikovno razhajanje. Razlaga sloni na tako imenovanih stopnjah dojemalne sheme, kjer je v obdobju oblikovanja osnovnih jezikovnih struktur najbolj važno povrhnje dojemanje.

Ključne besede: enotnost in razhajanje jezikov, univerzalni dojemalni model, stopnje dojemanja, slovar, fonetika, slovnica

A Universal Perceptual Model Explaining Interlanguage Differences and Uniting the Diversity of World Languages: Detailed Verification

This article explains the functioning of the universal perceptual model, which offers unity across different languages and makes it possible to explain the reason for interlanguage differences. Such an explanation is possible using the “degrees of perception” scheme, in which surface perception is the most important for establishing the main language structures.

Keywords: unity and difference of languages, universal perceptual model, degrees of perception, vocabulary, phonetics, grammar

0 ВВЕДЕНИЕ

Понятие универсальной перцептивной модели в 2017 году предложено А. Д. Кошелевым. Данную модель автор рассматривает как одну из двух составляющих определения «представления мира человека»: ¹ «(14) Представление мира человека = универсальная перцептивная модель + этноспецифичное функциональное представление». Далее автор дает «свое объяснение проблемы многообразия и единства языков»: «Человеческие языки обладают поразительным разнообразием, которое проявляется буквально на всех уровнях языковой системы. В то же время, сколь бы различными ни были языки, всегда возможен перевод с одного языка на другой. Кроме того, хорошо известно, что человеческий младенец, попавший в совершенно иную этническую среду, с легкостью овладевает языком новой среды. Эти факты свидетельствует [свидете-

¹ Очевидно, автор имел в виду форму *человеком*, иначе получается, что мир человека представляет кто-то другой – таковы реалии русского синтаксиса.

тельствуют – С. П.] о несомненном единстве человеческих языков. Для объяснения обрисованной коллизии (многообразие и единство языков) естественно предположить, что в основе человеческого языка лежит некоторая универсальная структура, из которой порождается все множество конкретных языков. Поэтому одна из центральных проблем общей теории языка заключается в ответе на вопрос об универсальной структуре, придающей единство различным языкам, и о путях ее воплощения в конкретном языке» (Кошелев 2017: 106).

Затем автор, отмежевавшись от идеи Н. Хомского о генетически заданной универсальной грамматике, но не отбрасывая идею Аристотеля об одинаковом представлении мира всеми людьми планеты независимо от языковых различий, пишет:

Проведенные выше рассуждения позволяют утверждать, что точка зрения Аристотеля об универсальности человеческого представления действительности верна только в отношении перцептивной составляющей, которую мы называем перцептивной моделью мира, см. (14). [...] В рамках данного подхода языковое разнообразие множества конкретных языков получает простое объяснение. Оно обусловлено разнообразием их сенсорных языков,² представляющих собой разные способы кодирования универсальной перцептивной модели мира. [...] способность младенца усваивать любой язык обусловлена опережающим формированием у него универсальной перцептивной модели. Эта же модель обеспечивает возможность перевода с одного языка на другой (Кошелев 2017: 106–107).

Как можно убедиться, искомой универсальной структурой, придающей единство различным языкам, автор признает «универсальную перцептивную модель», однако никакого объяснения того, как она функционирует, эта модель не получает, поскольку объяснение «разнообразия множества конкретных языков» обусловленностью «разнообразием их сенсорных языков, представляющих собой разные способы кодирования универсальной перцептивной модели мира», не дает ответа на вопрос о причине указанных автором «разных способов кодирования». Полагать, что разнообразие чего-то обусловлено разнообразием его частей, все равно что настаивать на том, будто различия между расами обусловлены разным цветом кожи их представителей, в то время как истинная причина межрасовых различий, в которых разный цвет кожи является их не причиной, а следствием, кроется в климатических и ландшафтных условиях формирования рас. Что же касается способности младенца усваивать язык этноса, в котором он оказался, то здесь вряд ли можно говорить об универсальной перцептивной модели младенца, поскольку в данном случае он представляет собой стерильное в языковом отношении существо, которое, как со ссылкой на Дж. Херфорда доказывает С. Пинкер, обладает данной ему до шестилетнего возраста (не более, это важно) способностью усвоить язык в неважно какой человеческой среде (Пинкер 2004: 281).

2 Которые в концепции автора сосуществуют с функциональными языками, но появляются раньше.

Целью настоящей статьи является объяснение функционирования универсальной перцептивной модели, не только придающей единство различным языкам, но и позволяющей объяснить причину межъязыковых различий.

1 ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ: ОТ СРЕДНЕГО ЗВЕНА ДО КАТЕГОРИЗИРУЮЩЕГО НАЧАЛА

Поскольку от существительного *восприятие* прилагательное не образуется, его полноценным субститутом является прилагательное *перцептивный*, образованное от заимствованного синонима слова *восприятие* слова *перцепция*. Следовательно, постулированная А. Д. Кошелевым универсальная перцептивная модель есть, другими словами, универсальная модель восприятия.

Долгое время восприятие считалось вполне автономным средним звеном между ощущением и представлением. Под восприятием понимался чувственный образ, который формируется на основе ощущений и является базой представления, а также сам процесс указанного формирования (Кондаков 1975: 92–93, 429, 475). Современное видение корреляций ощущения, восприятия и представления отличается от указанного и заключается в том, что если соотношение ощущения и восприятия выглядит пространственным, расположенным по вертикали (в этой схеме восприятие находится выше ощущений), то отличие восприятия от представления не является пространственным и, как следствие, расположенным по вертикали – это отличие временное: представление наступает позже восприятия, так как, «воспроизводя в нашей памяти прежние восприятия, мы имеем *представление* о предметах» (Войшвилло – Дегтярев 1994: 7). «Восприятие – это „форпост“ жизненного, познающего опыта человека, хранимого в памяти», – метафорически заметил в свое время один из основателей психолингвистики Н. И. Жинкин (1982: 52).

По единодушному мнению представителей современной когнитивной психологии, основной функцией восприятия является категоризация познаваемого. Например, Р. Солсо дифференцирует ощущение и восприятие следующим образом: «Ощущение связано с начальным обнаружением стимулов. Восприятие – с интерпретацией ощущаемых явлений. Когда мы читаем книгу, слушаем концерт, получаем сеанс массажа, нюхаем одеколон или едим икру, мы ‚переживаем‘ нечто гораздо большее, чем непосредственную сенсорную стимуляцию. Каждое из этих сенсорных событий обрабатывается в контексте наших знаний о мире; наш предшествующий опыт придает смысл простым ощущениям» (Солсо 2011: 95). Так же считает Дж. Андерсон: «Восприятие предполагает больше, чем просто регистрацию информации, которая достигает наших глаз и ушей. Главная проблема связана с интерпретацией этой информации» (Андерсон 2002: 44). Хорошо известен и афоризм А. Н. Леонтьева: «Воспринимают не органы чувств, а человек при помощи органов чувств» (Леонтьев 1975: 59). Дж. Брунер полагает, что

«восприятие – это процесс категоризации, в ходе которого организм осуществляет логический вывод, относя сигналы к определенной категории...» (Брунер 1977: 23–26). По убеждению Дж. Андерсона, «восприятие – это процесс, в значительной степени основанный на выведении заключения» (Андерсон 2002: 69). О восприятии как о категоризации, с применением понятия ‘распознавание’ пишет Б. М. Величковский: «Важнейшей функцией восприятия является распознавание зрительных и акустических конфигураций, ведущее, в частности, к узнаванию предметов и их категоризации, то есть отнесению к той или иной семантической категории» (Величковский 2006: 208). Дж. Дж. Гибсон о связи восприятия и мышления высказывается еще решительнее, поскольку отождествляет понятия восприятия и познания: «И при восприятии, и при познании происходят одни и те же процессы – экстрагирование и абстрагирование инвариантов. Различие между восприятием окружающего мира и его постижением – количественное, а не качественное. [...] Познание – это расширение процесса восприятия» (Гибсон 1988: 366). Но если признать, что восприятие есть частный случай познания, а согласно определению У. Найссера «познавательная активность» и «когнитивная активность» – абсолютные синонимы, то нетрудно согласиться с его выводом, что когнитивная активность – это прежде всего восприятие: «[...] восприятие представляет собой основную когнитивную активность, порождающую все остальные виды...» (Найссер 1981: 23, 30).

2 ТРУДНОСТИ ПОНИМАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Несложно понять, что важное для понятия восприятия понятие категоризации познаваемого вполне распространяется на ситуации, когда носителям языка необходимо номинировать новые познаваемые сущности. Категоризация происходит и в ситуациях появления фонетических и грамматических инноваций. Вот как А. Д. Кошелев представляет себе процесс порождения новых слов: «Встречая новое явление, которое нужно как-то назвать, носитель языка выделяет в нем характерную черту, смотрит, к какому значению – звену в этом множестве стволов и ветвей – она ближе, и называет данное явление именем этого значения, порождая очередное узуальное или окказиональное употребление» (Кошелев 2017: 104–105). Но как быть в весьма частотных случаях, когда близко находятся «звенья» не одного «ствола» и не одной «ветви»? Как категоризация и следующее за ней номинирование происходят в случаях, когда один признак предмета воспринимается, а другой нет? На эти вопросы, которые Кошелев не ставит и, как следствие, ответов на них не дает, по нашему основанному на многочисленных когнитивнопсихологических сведениях убеждению, позволяет ответить познание степеней восприятия.

3 СТЕПЕНИ ВОСПРИЯТИЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СТРУКТУРЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Обширная когнитивнопсихологическая литература, посвященная восприятию, позволяет зафиксировать три его степени, которые представляют собой степени его эволюции в онто- и филогенезе:³ (1) правополушарное синкретичное восприятие, при котором познаваемые сущности выглядят цельными, из частей не состоящими и признаков не имеющими; (2) правополушарное (предпринимающее первую попытку категоризации) поверхностное восприятие, при котором в познаваемой сущности выделяются только самые заметные части, а из ее признаков выделяются лишь наиболее заметные, категоризация по которым чаще всего бывает неверной; и – нормативное – (3) левополушарное альтернативное восприятие, при котором в познаваемой сущности выделяются все необходимые части и признаки, что обеспечивает корректность ее категоризации⁴. Как можно видеть, из трех степеней восприятия категоризация осуществляется только при поверхностном и альтернативном восприятиях, однако проблемной категоризация является только при поверхностном восприятии, поэтому именно на нем мы сосредоточим свое внимание. Не имея возможности в рамках статьи привести большое количество демонстрирующих поверхностное восприятие примеров, ограничимся некоторыми, достаточно показательными.

4 ПОВЕРХНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ В ОНТО- И ФИЛОГЕНЕЗЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ

Когнитивным и онтопсихологам хорошо известен опыт, проведенный известным швейцарским онтопсихологом Ж. Пиаже совместно с его помощницей А. Шеминской. Два одинаковых сосуда дети 4–5 лет двумя руками одновременно наполняют равным количеством бусинок (это призвано позволить детям убедиться в том, что количество бусинок в сосудах одинаковое). Когда содержимое одного из этих сосудов (другой оставляется в качестве контрольного образца) на глазах у этих детей пересыпается в третий сосуд другой формы, более высокий и тонкий, испытуемых спрашивают, изменилось ли количество бусинок после пересыпания их в этот другой сосуд. Абсолютно все испытуемые отвечают, что количество бусинок в новом сосуде изменилось: по убеждению одних, бусинок стало больше (как можно догадаться, потому что другой сосуд выше), по убеждению других, – меньше (потому что другой сосуд тоньше) (Пиаже 1969: 183–184). То есть дети,

³ Гипотеза о когнитивной идентичности онто- и филогенеза, высказанная в свое время Л. С. Выготским, в настоящее время находит все больше подтверждений (Барулин 2008: 52).

⁴ Подробнее о степенях восприятия в онто- и филогенезе – см. Попов 2013: 5–105.

будучи еще не в силах мысленно отделить бусинки от сосуда и потому даже не подумав о том, что количество бусинок при пересыпании измениться не может, при категоризации этого – уже нового для них – количества бусинок ориентировались в другом сосуде либо на его высоту (большую, чем у стоящего рядом контрольного образца) – и тогда они считали, что бусинок стало больше, либо на его ширину (меньшую, чем у контрольного образца) – и тогда они считали, что бусинок стало меньше. Как можно убедиться, дети рассуждали вполне логично, но их силлогизмы основывались на ложной посылке, обусловленной их восприятием лишь одного из возможных признаков сосуда, случайно оказавшегося в поле зрения того или иного ребенка, то есть обусловленной восприятием поверхностным. Сказанное подтверждается данными зрительного восприятия у дошкольников: оно отличается неустойчивостью, фрагментарностью, а также такими явлениями, как беглость и блуждание взора, обуславливающими случайность восприятия (Выготский – Лурия 1993; Зинченко – Вергилес 1969: 27, 189; Эльконин 2005: 205; Запорожец 1986: 95).

При первобытном восприятии, в подтверждение гипотезы Выготского об идентичности онто- и филононеза, наблюдается такая же ориентация на ближайший, чаще всего случайный признак. Известный этнограф и психолог Л. Леви-Брюль приводит множество таких фактов, вот некоторые из них: туземцы решили, что особый головной убор и сутана священника-миссионера являются причиной засухи, а портрет королевы Виктории является причиной эпидемии плеврита; увидев показанное ученым изображение птицы в виде тени на стене и удачно сходяв после этого на охоту, туземцы затем постоянно просили ученого показывать эту птицу накануне охоты; туземец, неудачно сходяв на охоту или рыбалку, возвращаясь домой и мучительно размышляя над тем, кто околдовал его лук и сети, видит случайно проходящего мимо соплеменника и безапелляционно решает, что колдовство применил именно этот соплеменник; все первобытные люди считают, что если мрет скот, наблюдается плохой урожай или в хижину ударила молния, то это результат колдовства недоброжелателей (Леви-Брюль 1994: 58–59, 488).

Существует множество подтверждений того, что древние более или менее цивилизованные люди чаще проявляли синкретичное или поверхностное восприятие, чем восприятие альтернативное (например, В. В. Колесов называет «мировосприятие древнерусского человека» «синкретичным») (Колесов 1986: 7). Соответственно не может быть сомнений и в том, что поверхностное восприятие они демонстрировали и при создании новых номинаций, а также, конечно не так часто, как при создании лексических инноваций, при создании фонетических и грамматических инноваций. Мы отдаем себе отчет в том, что не все языковые инновации, особенно в последние десятилетия, основываются на поверхностном восприятии – с взрослением человечества альтернативность восприятия постепенно берет

свое, что отражается в логизации, например русской, грамматики. Так, основанные на поверхностном восприятии сочетания типа *Поехал машинист и помощник* всё чаще сменяются в узусе на обеспеченные альтернативностью восприятия более логичные сочетания типа *Поехали машинист и помощник*.⁵ Но именно на поверхностном восприятии основываются достаточно ранние языковые установления, поскольку именно таким восприятием располагали в соответствующее время носители языков и именно тогда стихийно создавались основные языковые структуры, остающиеся неизменными и сегодня. Как справедливо заметил в свое время В. фон Гумбольдт, на определенном этапе развития языка обретают «некий предел законченности организации, после которого уже не подвергаются никаким изменениям ни его органическое строение, ни его структура. Зато именно в них как живых созданиях духа может до бесконечности происходить более тонкое совершенствование языка» (Гумбольдт 1964: 73).

5 ПОВЕРХНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ В СИТУАЦИЯХ ВЫБОРА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА И ВЫБОРА ПРИЗНАКА ДЛЯ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ИЛИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА

Поверхностное восприятие возможности создать новое слово или его переносное значение продемонстрируем в компаративном аспекте в ситуации выбора признака, положенного в основу номинации, то есть в ситуации выбора внутренней формы слова, и в ситуации выбора признака для метонимического или метафорического переноса.

Внутренняя форма русского слова *окно* – *око* (глаз), а внутренняя форма английского слова *window* – *wind* (ветер). Французское существительное *fenêtre* (окно) восходит к латинскому *fenestra* (окно), но французский глагол *fenêtrer* (прорубить (отверстие, дыру и т. п.)) имеет внутреннюю форму *fenêtre*, в то время как русский глагол *прорубить* имеет внутреннюю форму *рубить*. Примеры можно множить, но в статье ограничимся этими.

Понятно, что эти внутренние формы выбирались не коллективно и не на альтернативной основе – об этом удачно высказался М. Н. Эпштейн: «Любое новое слово возникает в сознании и речи индивида, а затем уже принимается или отторгается языковым сообществом. Народ как единое целое не может сам ничего написать или произнести, у него нет руки или рта»⁶ (Эпштейн

5 Гораздо больше и подробнее о подобных грамматических логизациях в русской грамматике можно прочитать в Попов 2013: 106–131; Попов 2015.

6 Известны исключения из этого правила у современных индейцев, которые, познав новое явление, именно коллективно, на племенном совете, принимают решение, как это явление назвать, но это редчайшее исключение из всё еще первобытной жизни современных индейцев, как утверждают исследователи – появившееся относительно недавно, лишь подтверждает правило создания инноваций индивидами.

2016: 7). Поэтому, употребляя сочетание *носитель языка*, мы имеем в виду креативного индивида, выбор которого был конвенциализирован языковым сообществом.

Как можно убедиться, для называния окна носитель русского языка воспринял понятие глаза (окно в доме, очевидно снаружи, напомнило ему именно глаз), носитель английского языка воспринял понятие ветра (для него оказалось важным то, что в это место влетает ветер), а носители французского и русского языков восприняли разные внутренние формы для номинирования одного действия.

Если вспомнить приведенное выше положение о блуждании детского взора и основанной на этом блуждании случайности категоризации, то станет очевидным, что эти внутренние формы были созданы в результате поверхностного восприятия возможности их создания. Еще два века назад этот принцип описал И. С. Рижский: «Представим себе, что несколько человек смотрят в одно время на один огромный предмет. Поелику никто из них не в состоянии объять его всем своим взором, то один видит только одну, другой другую, и так далее, притом иной самую важную, иной, напротив, малозначущую его часть. Подобно сему первоначально действует на умы разных народов всякий предмет»⁷ (Рижский 1973: 37).

Создание метонимий и метафор происходит тоже на основании поверхностного восприятия.

Так, метонимия со свойственным ей переносом по смежности является наиболее простым случаем поверхностного восприятия возможности создать переносное значение, а именно возможности присвоить той же форме значение того, что находится совсем рядом, граничит с названным той же формой в одном семантическом пространстве (например, ‘действие – место действия’: *сделать остановку – подъехать к остановке*; ‘вместилище – его содержимое’: *вода в чайнике – вскипятить чайник*) или времени (например, ‘действие – результат действия’: *сочинение рассказа – школьное сочинение*; ‘материал – изделие из материала’: *добывать серебро – столовое серебро*). Такая пространственная или временная близость прямого и метонимического значений, то есть не очень контрастное их противопоставление, делает отличие метонимического значения от прямого значения не вполне заметным, поэтому нефилологи такую переносность часто не замечают.

В отличие от метонимии, метафора со свойственным ей переносом по сходству представляет собой случай поверхностного восприятия возможности присвоить той же форме значение не того, что находится совсем рядом

7 Понятно, что рассматриваемое нами окно далеко не всегда можно назвать «огромным предметом», но имеющее двухсотлетнюю давность описание поверхностного восприятия здесь вполне безупречно.

в пространстве или времени, как в случае с метонимией, а того, что противопоставлено прямому значению более заметно, чем при метонимии. Поверхностность такого восприятия возможности создать переносное значение проявляется в том, что основанием для переноса здесь является, как правило, лишь одна – оказавшаяся «на поверхности» воспринимаемого – сравнительная по своей функции сема, общая для двух явлений, например ‘упрямство’ и/или ‘глупость’: *Осел не захотел тащить повозку – Какой же ты, Коля, осел*; ‘перемещение вверх, то есть на более заметное и подходящее место’: *поднять упавшую на пол газету – поднять вопрос о членстве в НАТО*; ‘воздействие на организм и психику человека’: *горячий, теплый или холодный чай – горячий, теплый или холодный прием*.

Сравнение образования метафор в разных языках еще нагляднее демонстрирует поверхностность восприятия возможности создать переносное значение. Например, метафора *заяц* в русском языке означает трусливого человека, а в американском английском – всё успевающего и потому успешного человека, метафора *еж* в русском языке означает колючесть, а в английском – несговорчивость, метафора *черепаха* в русском языке является символом медлительности, а в китайском – мудрости, метафора *слон* в русском языке – символ громоздкой неуклюжести, а в хинди – символ грациозности женской походки.⁸

Стоит поставить вопрос и иначе: почему носители указанных языков выбрали именно эти признаки названных животных для осуществления метафорических переносов, если у этих животных имеются и другие, причем иногда весьма заметные, признаки? Ответ очевиден: креативному носителю русского языка в какой-то момент случайно бросился в глаза такой негативный признак зайца, как трусость, который при помощи номинации *заяц* можно применять к человеку, а креативному носителю английского языка бросился в глаза другой признак зайца – позитивный: зверь, который благодаря своей скорости все успевает, и название зайца в английском стало метафорически применяться именно к таким людям. У зайца есть и другие признаки: способность прыгать, длинные уши, которые он может поднимать, прислушиваясь, неспособность свернуть с дороги во время бега впереди едущего автомобиля в свете его фар в темное время суток, короткий хвост, достаточно ценный мех, способность менять цвет шкуры зимой на белый и другие, однако носители русского и английского языков для создания метафор восприняли именно указанные признаки. Объяснить, почему креативные носители языков не выбрали для метафоризации такие весьма заметные признаки, как длинные уши зайца, панцирь черепахи, фырканье ежа, хобот слона, можно только тем, что эти весьма заметные признаки не

⁸ Подробнее о метонимии и метафоре как коррелятах двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать переносное значение – см. Попов 2016.

попали в зону восприятия возможностей что-нибудь или кого-нибудь по этим признакам метафоризировать.

Невозможно себе представить, чтобы эти носители выбрали данные признаки из их множества, сравнивая и перебирая их или размышляя над тем, какую бы метафору придумать со словом *заяц*, у которого столько разных признаков. Такое размышление было бы возможно при альтернативном восприятии, но исследование Т. В. Черниговской, проведенное с применением разработанного В. Л. Деглиным метода электросудорожного припадка, который позволяет временно отключать одно из полушарий мозга, убедительно доказывает, что метафоры создаются и распознаются правым мозговым полушарием (Черниговская 2013). Из этого эмпирически верифицированного доказательства следует, что, поскольку правое полушарие не способно воспринимать альтернативы, создание этим полушарием метафор не может базироваться на альтернативном восприятии, что в свою очередь означает одно: метафоры создаются на основании поверхностного восприятия.⁹

6 ДИСКУССИИ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГАМИ О ПОВЕРХНОСТНОМ ВОСПРИЯТИИ ПРИ ВЫБОРЕ ВНУТРЕННИХ ФОРМ И ПРИЗНАКОВ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ: КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ

О поверхностном восприятии при выборе внутренних форм и признаков метафорических переносов нам не раз приходилось дискутировать с лингвокультурологами, исследования которых сводятся к констатации отраженных в языках культурных различий без попыток объяснения причин этих различий.¹⁰ Эти лингвисты оспаривают объяснение межъязыковых различий внутренних форм и переносных признаков метафор поверхностностью восприятия, аргументируя свое несогласие тем, что межъязыковые различия объясняются различием сложившихся культур. Наш более глубокий аргумент о том, что различия культур тоже обусловлены поверхностностью восприятия тех или иных возможностей культурного развития, эти лингвисты не воспринимают, потому что, судя по всему, считают пути развития культур божественно неисповедимыми, что противоречит выдвинутому в 1982 году А. Е. Кибриком главному принципу когнитивизма –

⁹ Важно также понимать, что, если метафоры создаются правым полушарием, их невозможно или, по крайней мере, очень трудно создавать целенаправленно. Хорошо известно, что яркие авторские метафоры, которые могут стать достоянием языка или остаться окказионализмами, создаются людьми литературы и искусства, то есть людьми правополушарными, у которых метафоры возникают в результате неконтролируемого ими, внезапного озарения.

¹⁰ Нашу критику такого безобъяснительного лингвокультурологического подхода – см. в Попов 2018.

объяснительности: «[...] если лингвистика недавнего прошлого допускала лишь вопросы типа „как?“ и избегала вопросов „почему?“, то теперь ситуация должна коренным образом измениться: нужны именно ответы на вопросы типа „почему?“, поскольку только они могут что-либо объяснить» (Кибрик 1992: 25).¹¹ В данной ситуации нам остается опять-таки привести небольшое количество примеров и объяснить причину наблюдаемых в них особенностей.

7 ПОВЕРХНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОГРЕССИВНОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Так, если в Средней Азии, например в Узбекистане, незваному гостю предлагают есть дыню, это означает, что он может еще оставаться, потому что в связи с его приходом хозяева начинают готовить плов. Если же такому гостю сразу подают плов (не только что приготовленный), это означает, что гость некстати и ему надо уходить. Как можно видеть, в данной культурной традиции хозяевам приходится в какой-то мере страдать в ожидании ухода незваного гостя, особенно в случае, если он всё же вознамерится съесть предложенный ему несвежесваренный плов. В европейской же традиции, как правило, не ко времени пришедшему гостю хозяева вежливо, но твердо скажут, что сейчас они очень заняты и не могут его принять. В последние же десятилетия в Европе и вовсе сложилась традиция в гости без приглашения или предварительной договоренности (например, телефонной) не приходиться (известное русское *Незванный гость хуже татарина* красноречиво тому подтверждение). Такие традиции приема незваных гостей в указанных культурах сложились благодаря тому, что в Азии кто-то однажды решил, что человеку нельзя говорить прямо, что он что-то делает не так, то есть этот новатор воспринял именно такую, достаточно громоздкую возможность обходиться с незванным гостем, и это решение конвенциализировалось, а в Европе новатор воспринял возможность решить проблему с незванным гостем кардинальнее и проще, что тоже было принято культурным сообществом. Очевидно, нет нужды доказывать, что такие культурные различия тоже сформировались не в результате коллективного обсуждения разных возможностей. Если обратиться к приведенным выше языковым примерам метафор в разных языках как порождений разных культур, то такие различные метафоризации зайца, черепахи, ежа и слона как культурные явления тоже не могут быть объяснены как результат коллективного обсуждения. Следует также заметить, что выделение некоторых из этих признаков для метафоризации вполне объяснимо их заметностью в присущей им среде. Например, в Индии

¹¹ Еще Аристотель говорил: «Знать, что *есть*, и знать, *почему* есть, – это различное знание...» (Аристотель 1978: 280).

именно слон, а не другое животное мог стать символом грациозности женской походки, поскольку именно в Индии слонов много и благодаря своим размерам они намного заметнее других животных. Если русские избы делаются из бревен, то это потому, что в России много очень заметных, дающих много древесины лесов, а жилища берберов в Сахаре делаются под землей потому, что это самая заметная возможность укрыться от жары и песчаных бурь пустыни. И, как можно убедиться, восприятие того, что заметнее других, есть тоже поверхностное восприятие. Следовательно, неисповедимость развития культур вполне исповедима посредством такой перцептивной характеристики, как поверхностность восприятия.

Нетрудно по аналогии представить, что межъязыковые различия в фонетике и грамматике тоже основываются на поверхностном восприятии (грамматическим примерам уделим больше внимания).

8 ПОВЕРХНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОГРЕССИВНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Например, в русском языке, в отличие от украинского, есть только твердый [ц], а в отличие от польского – только мягкий [ч']. Появление мягкого и твердого коррелятов этих звуков, очевидно, смогло бы увеличить смысловоразличительную способность русского языка, но такая возможность его носителями воспринята не была. Отсутствие редукции гласных в русских безударных позициях позволило бы избежать многих трудностей при обучении русской орфографии и избегать нежелательной, затрудняющей коммуникацию омофонии в примерах типа *компания* – *кампания*. Носители французского языка восприняли весьма очевидную возможность избавиться от трудного для произношения звука [ч] и от подробного, позвукового произнесения стечения гласных, не задумавшись о расхождении произношения и написания дифтонгов и трифтонгов. Например, слово *chaire* (стул, престол) в старофранцузском произносилось как [чайре], а в современном французском произносится как [шёр].¹²

9 ПОВЕРХНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОГРЕССИВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Когда английские крестьяне, сохранившие английский язык после Норманнского завоевания,¹³ настолько, конечно подсознательно, увлеклись избавлением английского от категорий рода, падежа (с предусмотрительным,

12 Пример из книги Плунгян 2010: 11, в которой автор, к сожалению, не отвечает на вынесенный в ее название вопрос «Почему языки такие разные».

13 Когда, как известно, несколько поколений английской знати, совершенно забыв английский, уже говорили только на норманнском диалекте французского языка.

впрочем, закреплением порядка слов) и числа, что избавили английские адъективы от значений числа, они не восприняли нежелательность двусмысленностей не имеющих форм числа адъективов при однородных членах. Это привело к тому, что в сочетаниях типа *my mom and dad* не совсем понятно, чей *dad* – тоже *my* или чей-то еще? Один носитель английского языка как родного (*native speaker*), будучи озадачен нашим вопросом, вполне серьезно посоветовал нам для таких случаев уточнение: *my mom and dad both*.¹⁴

Как хорошо известно, английский неопределенный артикль *a*, происходящий, как это наблюдается во многих языках, от числительного *one*, не употребляется при существительных в форме множественного числа. Объяснение этому запрету очевидно: он закрепился во времена, когда абстрактное мышление носителей английского языка было еще не настолько развитым, чтобы абстрагироваться от семы ‘один’ в изначальном значении этого артикля, которая противоречила новому значению ‘много’. Однако носители английского языка могли бы воспринять возможность выдвинуть другую форму на роль неопределенного артикля множественного числа, как это сделали, например, носители французского языка, когда столкнулись с аналогичной проблемой семантической единичности неопределенного артикля *un – une*: они создали неопределенный артикль множественного числа *des*. Носители испанского в своем восприятии возможностей создавать артикли пошли еще дальше и поступили еще смелее: они сумели абстрагироваться от семантической единичности *uno – una*, что позволило им создать неопределенный артикль множественного числа в обычном порядке: *unos – unas*.

В славянских языках возможность выражать конкретность и абстрактность – постпозитивным определенным артиклем и нулевым неопределенным – восприняли только близкие этносы болгар и македонцев. В северных русских говорах постпозитивный определенный артикль из указательного местоимения намечался вплоть до XVII века, но так и не состоялся, то есть носители этих говоров не восприняли возможность создания такого артикля. В то же время носители балтийских, скандинавских и западно-южнославянских языков, не восприняв возможность создания присубстантивных артиклей, восприняли возможность обозначать конкретность и абстрактность окончаниями местоименных и именных прилагательных. Носители скандинавских языков затем восприняли возможность создать присубстантивные артикли, которые теперь плеонастически сосуществуют в их языках с местоименными и именными прилагательными. Прошедшие тот же путь носители немецкого после создания присубстантивных артиклей восприняли альтернативу для выполнявших ранее артиклевые функции местоименных и имен-

14 Здесь уместно вспомнить, что носители французского языка, тоже избавившие язык от падежей, для адъективов согласование в числе, очевидно подсознательно предусмотрительно, сохранили: *mes mère et père*; есть оно и в славянских языках: ср. русск. *moi мать и отец*.

ных прилагательных: эти прилагательные стали различаться синтаксически как выполняющие адъективную и предикативную функции (как в русском языке после прекращения склонения именных прилагательных).¹⁵

Если бы носители русского языка восприняли возможность создать на три предлога больше, чем сейчас имеется, они получили бы возможность избавиться от падежей, как это сделали носители, к примеру, английского и французского языков. Так, значение родительного, например принадлежности, передается англ. *of*¹⁶ и фр. *de*, значение дательного падежа – англ. *to* и фр. *à*, значение творительного, например орудийного, – англ. *by* и фр. *par*. Значение русского предложного – именно потому, что он употребляется с предлогами и задающими значение предложного падежа глаголами, – не приводит к коммуникативной неудаче и при отсутствии словоизменения, ср. *Живя в этот дом, я часто думаю о моя сестра*. Русские именительный и винительный, формы которых совпадают при неодушевленных существительных (и ничто не нарушает понимание в нарушающих правило одушевленности примерах типа *Я вижу человек*), можно было бы различать, закрепив прямой порядок слов, как это произошло в английском и французском, в которых эквиваленты фраз типа *Отряд сопровождал конвой* не имеют русской проблемы двусмысленности, когда непонятно, кто кого сопровождал. Однако русскими носителями языка возможности создать еще три предлога и закрепить порядок слов восприняты не были.

Носители русского и французского языков могли бы альтернативно воспринять возможность избавить глагольное спряжение в настоящем времени от личных форм, как это сделали носители английского языка (кроме, как известно, частотной формы 3-го лица ед. ч.) на том логичном основании, что при участвующих в таком спряжении местоимениях всех трех лиц обоих чисел личные флексии глаголов становятся избыточными. Действительно, если плохо владеющий русской грамматикой иностранец скажет *Я иди в магазин, а вы меня подождать* (французский эквивалент: *j'aller au magasin, et vous m'attendre*), коммуникативной неудачи не будет. Однако вместо восприятия этой возможности указанные носители сохранили ту возможность, которая была им привычнее и, следовательно, ближе: возможность иметь семантически избыточное презентное спряжение.

Аналогичным образом носители русского языка могли бы альтернативно воспринять возможность во избежание логических противоречий употреблять часть своей лексики более абстрактно, например говорить (далее используем широко известные примеры В. Г. Гака), что *Ребенок подполз к краю обрыва*, но не говорить *Змея подползла к краю обрыва*,

¹⁵ Подробнее об этом мы писали в Попов 2017: 235–237.

¹⁶ При сохранении, не забывая об этом, притяжательного падежа как наиболее частотного и в русском языке.

как это делают франкофоны, употребляя в таких случаях более абстрактный глагол *s'approcher* (эквивалент глагола *приблизиться*), потому что, в отличие от умеющего и ходить, и бегать, и ползать ребенка, змея не может ни *подходить*, ни *подбегать*, а в отличие от птиц – не может *подлетать* к краю обрыва, – следовательно, нелогично-избыточно говорить, что *змея к краю обрыва подползла*. Аналогично франкофоны говорят, что кто-то стихи не *пишет*, а *fait* (= делает), ибо понятно, что стихи не рисуются, не выщарапываются на стене и т. д., из чего следует, что глагол *écrire* (= писать) в данном случае избыточен.

Понятно, что показанные (как и многие непоказанные) примеры часто демонстрируют поверхностное восприятие опосредованно – через невосприятие чего-то важного. Так, к невосприятию возможности сохранить для адъективов формы числа привело поверхностное восприятие возможности избавить адъективы от форм числа без мысли о получаемой в таком случае проблеме с однородными членами.

10 ВЫВОДЫ

На основании всего сказанного можно утверждать, что поверхностное восприятие не только позволяет объяснить причины межъязыковых различий, но и является тем объединяющим языки мира принципом создания языковых структур, о котором пишет и который не объясняет А. Д. Кошелев. Мы убеждены, что именно подсознательное понимание того, что в языках многое сформировалось с ориентацией на часто случайные ближайшие признаки, обеспечивает снисходительную установку переводчика на допустимость странностей в иностранных языках. Именно эта установка и делает перевод с одного языка на другой возможным: переводящий готов к тому, что в иностранном языке многое будет необычным, и эту готовность обуславливает единый для начальных периодов развития языков принцип поверхностного восприятия как универсальная перцептивная модель, которая не сосуществует с «этноспецифичным функциональным представлением» (как показано в схеме А. Д. Кошелева), а обуславливает его.

Таким образом, постулированная А. Д. Кошелевым, призванная не только объединять разнообразие языков мира, но и объяснять их этноспецифические различия универсальная перцептивная модель получает свое объяснение при ее детализации степенями восприятия, из которых адекватным для объяснения и единства, и различия языков является поверхностное восприятие.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон 2002** = Дж. Андерсон, *Когнитивная психология*, Санкт-Петербург: Питер, 2002. – Пер. с англ.
[Dž. Anderson, *Kognitivnaja psihologija*, Sankt-Peterburg: Piter, 2002. – Per. s angl.]
- Аристотель 1978** = Аристотель, Вторая аналитика, в: Аристотель, *Сочинения в четырех томах 2*, под ред. З. Н. Микеладзе, Москва: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1978.
[Aristotel', *Vtoraja analitika*, v: Aristotel', *Sočinenija v četyreh tomah 2*, pod red. Z. N. Mikeladze, Moskva: Izd-vo social'no-ekonomičeskoj literatury «Mysl'», 1978.]
- Барулин 2008** = А. Н. Барулин, К аргументации полигенеза, в: *Разумное поведение и язык 1: коммуникативные системы животных и язык человека – проблема происхождения языка*, сост. А. Д. Кошелев – Т. В. Черниговская, Москва: Языки славянских культур, 2008, 41–58.
[A. N. Barulin, K argumentaciji poligeneza, v: *Razumno povedenie i jazyk 1: komunikativnye sistemy životnyh i jazyk čeloveka – problema proišoždenija jazyka*, sost. A. D. Košelev – T. V. Černigovskaja, Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008, 41–58]
- Брунер 1977** = Дж. Брунер, *Психология познания: за пределами непосредственной информации*, пер. К. И. Бабицкого, Москва: Прогресс, 1977. – Пер. с англ.
[Dž. Bruner, *Psihologija poznanija: za predelami neposredstvennoj informacii*, per. K. I. Babickogo, Moskva: Progress, 1977. – Per. s angl.]
- Величковский 2006** = Б. М. Величковский, *Когнитивная наука: основы психологии познания 1*, Москва: Смысл – Издательский центр «Академия», 2006.
[B. M. Veličkovskij, *Kognitivnaja nauka: osnovy psihologii poznanija 1*, Moskva: Smysl – Izdatel'skij centr «Akademija», 2006.]
- Войшвилло – Дегтярев 1994** = Е. К. Войшвилло – М. Г. Дегтярев, *Логика как часть теории познания и научной методологии (фундаментальный курс) I: учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики*, Москва: Наука, 1994.
[E. K. Vojšvillo – M. G. Degtjarev, *Logika kak čast' teorii poznanija i naučnoj metodologii (fundamental'nyj kurs) I: učebnoe posobie dlja studentov filozofskih fakul'tetov i prepodavatelej logiki*, Moskva: Nauka, 1994.]
- Выготский – Лурия 1993** = Л. С. Выготский – А. Р. Лурия, *Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок*, Москва: Педагогика-Пресс, 1993.
[L. S. Vygotskij – A. R. Lurija, *Ėtjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok*, Moskva: Pedagogika-Press, 1993.]
- Гибсон 1988** = Дж. Гибсон, *Экологический подход к зрительному восприятию*, пер. Т. М. Сокольской, общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко, Москва: Прогресс, 1988. – Пер. с англ.
[Dž. Gibson, *Ėkologičeskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju*, per. T. M. Sokol'skoj, obšč. red. i vstup. st. A. D. Logvinenko, Moskva: Progress, 1988. – Per. s angl.]
- Гумбольдт 1964** = В. фон Гумбольдт, О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития, в: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях I*, Москва: Просвещение, 1964, 73–85.
[V. fon Gumbol'dt, O sravnitel'nom izučenii jazykov primenitel'no k različnym epocham ih razvitija, v: V. A. Zvegincev, *Istorija jazykoznanija XIX–XX vekov v očerkah i izvlečenijah I*, Moskva: Prosvješćenie, 1964, 73–85.]
- Жинкин 1982** = Н. И. Жинкин, *Речь как проводник информации*, Москва: Наука, 1982.
[N. I. Žinkin, *Reč' kak provodnik informacii*, Moskva: Nauka, 1982.]
- Запорожец 1986** = А. В. Запорожец, *Избранные психологические труды 1: психическое развитие ребенка*, Москва: Педагогика, 1986.
[A. V. Zaporožec, *Izbrannye psihologičeskie trudy 1: psihičeskoe razvitie rebenka*, Moskva: Pedagogika, 1986.]
- Зинченко – Вергилес 1969** = В. П. Зинченко – Н. Ю. Вергилес, *Формирование зрительного образа*, Москва: Изд-во МГУ, 1969.

- [V. P. Zinčenko – N. Ju. Vergiles, *Formirovanie zritel'nogo obraza*, Moskva: Izd-vo MGU, 1969.]
- Кибрик 1992** = А. Е. Кибрик, *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке)*, Москва: Изд-во МГУ, 1992.
[A. E. Kibrik, *Očerki po obščim i prikladnym voprosam jazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifičnoe v jazyke)*, Moskva: Izd-vo MGU, 1992.]
- Колесов 1986** = В. В. Колесов, *Мир человека в слове Древней Руси*, Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986.
[V. V. Kolesov, *Mir čeloveka v slove Drevnej Rusi*, Leningrad: Izd-vo LGU, 1986.]
- Кондаков 1975** = Н. И. Кондаков, *Логический словарь-справочник*, Москва: Наука, 1975.
[N. I. Kondakov, *Logičeskij slovar'-spravočnik*, Moskva: Nauka, 1975.]
- Кошелев 2017** = А. Д. Кошелев, *Очерки эволюционно-синтетической теории языка*, Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017.
[A. D. Košelev, *Očerki evoljucionno-sintetičeskoj teorii jazyka*, Moskva: Izdatel'skij Dom JaSK, 2017.]
- Леви-Брюль 1994** = Люсьен Леви-Брюль, *Сверхъестественное в первобытном мышлении*, Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – Пер. с франц.
[L'jus'en Levi-Brjul', *Sverh'estestvennoe v pervobytnom myšlenii*, Moskva: Pedagogika-Press, 1994. – Per. s franc.]
- Леонтьев 1975** = А. Н. Леонтьев, *Деятельность. Сознание. Личность*, Москва: Политиздат, 1975.
[A. N. Leont'ev, *Dejatel'nost'. Soznanie. Ličnost'*, Moskva: Politizdat, 1975.]
- Найссер 1981** = У. Найссер, *Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии*, пер. В. В. Лучкова, общ. ред. и вступ. ст. Б. М. Величковского, Москва: Прогресс, 1981. – Пер. с англ.
[U. Najsser, *Poznanie i real'nost': smysl i principy kognitivnoj psihologii*, per. V. V. Lučkova, obšč. red. i vstup. st. B. M. Veličkovskogo, Moskva: Progress, 1981. – Per. s angl.]
- Пиаже 1969** = Ж. Пиаже, Психология интеллекта, в: Ж. Пиаже, *Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология*, Москва: Просвещение, 1969, 55–231. – Пер. с франц.
[Ž. Piaže, Psihologija intelekta, v: Ž. Piaže, *Izbrannye psihologičeskie trudy. Psihologija intelekta. Genезis čisla u rebenka. Logika i psihologija*, Moskva: Prosvеščenie, 1969, 55–231. – Per. s franc.]
- Пинкер 2004** = С. Пинкер, *Язык как инстинкт*, Москва: Едиториал УРСС, 2004. – Пер. с англ.
[S. Pinker, *Jazyk kak instinkt*, Moskva: Editorial URSS, 2004. – Per. s angl.]
- Плунгян 2010** = В. А. Плунгян, *Почему языки такие разные*, Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.
[V. A. Plungjan, *Počemu jazyki takie raznye*, Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2010.]
- Попов 2013** = С. Л. Попов, *Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография*, Харьков: НТМТ, 2013.
[S. L. Popov, *Kognitivnye osnovanija evoljucii form russkogo sintaksičeskogo soglasovanija: monografija*, Har'kov: NTMT, 2013.]
- Попов 2015** = С. Л. Попов, *Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект. Дис. ... докт. филол. наук*, Харьков, 2015.
[S. L. Popov, *Grammatičeskie varianty v russkom jazyke: kognitivno-èvoljucionnyj aspekt, Dis. ... dokt. filol. nauk*, Har'kov, 2015.]
- Попов 2016** = Сергей Попов, Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение, *Jazykovedný časopis* (Bratislava), 67.1 (2016), 31–44.
[Sergej Popov, Metonimija i metafora kak korreljaty dvuh ètapov vynuždenno poverhnostnogo vosprijatija vozmožnosti sozdat' novoe leksičeskoe značenie, *Jazykovedný časopis* (Bratislava), 67.1 (2016), 31–44.]

- Попов 2017** = Сергей Попов, Когнитивно-эволюционное исследование появления определенного и неопределенного артиклей, *Jezikoslovni zapiski* (Ljubljana) 23.1 (2017), 225–240.
[Sergej Popov, Kognitivno-evolucijsno issledovanie pojavlenija opredelennogo i neopredelennogo artiklej, *Jezikoslovni zapiski* (Ljubljana) 23.1 (2017), 225–240.]
- Попов 2018** = Сергей Попов, Лингвокультурология: от констатаций к объяснительности, *Traektorija Nauki* 4.4 (2018), 1001–1011, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3171636 (02.12.2019).
[Sergej Popov, Lingvokul'turologija: ot konstatacij k ob"jasnitel'nosti, *Traektorija Nauki* 4.4 (2018), 1001–1011.]
- Рижский 1973** = И. С. Рижский, Введение в круг словесности, в: *Хрестоматия по истории русского языкознания: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов*, под ред. Ф. П. Филина, Москва: Высш. школа, 1973, 37–39.
[I. S. Rižskij, Vvedenie v krug slovesnosti, v: *Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija: učeb. posobie dlja filol. special'nostej un-tov i ped. in-tov*, pod red. F. P. Filina, Moskva: Vysš. škola, 1973, 37–39.]
- Солсо 2011** = Р. Солсо, *Когнитивная психология*, Санкт-Петербург: Питер, 2011.
[R. Solso, *Kognitivnaja psihologija*, Sankt-Peterburg: Piter, 2011.]
- Черниговская 2013** = Т. В. Черниговская, Понимание метафор и идиом левым и правым полушариями мозга, в: Т. В. Черниговская, *Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание*, Москва: Языки славянских культур, 2013, 237–243.
[T. V. Černigovskaja, Ponimanie metafor i idiom levym i pravym polušarijami mozga, v: T. V. Černigovskaja, *Češirskaja улыбка kота Šrëdingera: jazyk i soznanie*, Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur, 2013, 237–243.]
- Эльконин 2005** = Д. Б. Эльконин, *Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*, ред.-сост. Б. Д. Эльконин, Москва: Издательский центр «Академия», 2005.
[D. B. Èl'konin, *Det'skaja psihologija: učeb. posobie dlja stud. vysš. učeb. zavedenij*, red.-sost. B. D. Èl'konin, Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005.]
- Эпштейн 2016** = М. Н. Эпштейн, *От знания – к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир*, Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
[M. N. Èpštejn, *Ot znanija – k tvorčestvu: kak gumanitarnye nauki mogut izmenjat' mir*, Moskva – Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016.]

POVZETEK

Podrobno k univerzalnemu dojemalnemu modelu, ki razlaga medjezikovno razhajanje in enoti raznolikost jezikov sveta

Zamisel univerzalnega dojemalnega modela, ki dopušča razlago razhajanja med enotnostjo in raznolikostjo jezikov sveta, je leta 2017 podal A. D. Košeljev kot alternativno ideji generativne zamisli, ki jo je sugeriral N. Chomsky. Nova zamisel je v skladu z Aristotelovimi pogledi, avtor tega članka pa pogrša podrobno razlago delovanja danega modela. Razlaga je dosegljiva tako, da se kognitivno-evolutivna shema stopenj dojemanja pritegne k delovanju miselnega modela, kjer od treh stopenj dojemanja – sinkretične, povrhnje in alternativne – zgodnje jezikoslovno oblikovanje sloni predvsem na povrhnjem dojemanju. Tako dojevanje je bilo v ustreznem času značilno za rojene govorce raznih jezikov in šele z njim so se spontano ustvarile osnovne jezikovne strukture. Isto ostaja relevantno tudi danes. Podano razlago so potrdili leksikalni primeri izbora notranje oblike besed in znakov, vzeti iz ruščine in drugih jezikov, pri katerih je prišlo do metonimičnih in metaforičnih sprememb pomena, pa tudi fonetični in slovnični primeri.